

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-726-737

EDN: QQKBIV

УДК 821.161.1.0

Научная статья / Research article

Насмешка как особый тип смеха в прозе Леонида Андреева

А.В. Мытарева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Российская Федерация*
✉ amytareva@hse.ru

Аннотация. Исследуется природа насмешки в творчестве Леонида Андреева как реакции на происходящее и как свойство враждебного человеку мира: определена специфика ироничных ситуаций, названы ее участники и возможное развитие, развязка сюжетной линии. В первой части статьи дается определение особому типу смеха, а также рассматривается антитеза, предложенная Л.В. Карасевым, – «смех – стыд». Сквозь эту призму и характеризуется объект насмешки. Предмет исследования второй части – функционирование смеха в прозаических произведениях Леонида Андреева. На примере рассказов «Буняниха» и «Смех» показано, что насмешка может лежать в основе сюжета и определять его развитие. Страх быть осмеянным – одна из значимых психологических мотивировок, определяющих поведение героев Л. Андреева. Кроме того, герои наделяют неведомую силу, влияющую на их жизнь, способностью смеяться. В представлении персонажей маркирование рока делает его более понятным, зримым, а значит, преодолимым. Наконец, в заключительной части рассматривается, как создается картина «антимира», главным признаком которого является насмешка. В отличие от В.Я. Проппа, утверждавшего, что объектом насмешки может быть все, кроме области страданий, Леонид Андреев конструирует модель антимира, где именно область страданий подвергается осмеянию. Ироническое состояние мира по отношению к герою («Чемоданов») воспринимается как неустойчивое, а значит, небезопасное. Идея изменчивости, обманчивости мира находит свое отражение при изображении некропространства в рассказе «Покой». В конце делается вывод о связи темы смерти и смеха в художественном мире Л. Андреева как отличительной особенности творчества писателя.

Ключевые слова: ирония, сюжет, антитеза, проза, рассказ, психологизм, антимир, герой

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Мытарева А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 5 августа 2024 г.; отрецензирована 20 сентября 2024 г.; принята к публикации 1 октября 2024 г.

Для цитирования: Мытарева А.В. Насмешка как особый тип смеха в прозе Леонида Андреева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 726–737. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-726-737>

Mockery as a special type of laughter in the prose of Leonid Andreev

Alisa V. Mytareva

HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ amytareva@hse.ru

Abstract. Examines the nature of mocking laughter in the oeuvre of Leonid Andreev, defines the specifics of ridicule situations, names the participants and the possible development and resolution of the storyline. The first part of the article defines a special type of laughter – ridicule, and also examines the antithesis proposed by L.V. Karasev, “laughter – shame”. Through which the object of ridicule is characterized. The subject of research in the second part of the article is the functioning of laughter in the novels of Leonid Andreev. Using the examples of the stories *Buyanikha* and *Laughter*, it is shown that the situation of ridicule can underlie the plot and determine its development. The fear of being ridiculed is one of the significant psychological motivations that determine the behavior of L. Andreev’s heroes. In addition, the heroes endow the unknown force that influences their lives with the ability to laugh. Marking Doom, as represented by the characters, makes it more understandable, visible, and therefore surmountable. Finally, the final part examines how the picture of the “anti-world” is created, the main feature of which is ridicule. Unlike V.Ya. Propp, who argued that the object of ridicule can be everything except the area of suffering, Leonid Andreev constructs a model of the anti-world, where it is the area of suffering that is ridiculed. The ironic state of the world in relation to the hero (*Suitcases*) is perceived as unstable, and therefore unsafe. The idea of variability, the deceptiveness of the world is reflected in the depiction of necrospace in the story *Peace*. At the end, a conclusion is made about the connection between the themes of death and laughter in the artistic world of L. Andreev, as a distinctive feature of the writer’s work.

Keywords: irony, plot, antithesis, prose, story, psychology, anti-world, hero

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 5, 2024; revised September 20, 2024; accepted October 1, 2024.

For citation: Mytareva, A.V. (2024). Mockery as a special type of laughter in the prose of Leonid Andreev. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 726–737. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-726-737>

Введение

Традиция осмысления смехового начала берет начало еще в Древней Греции, а затем получает свое продолжение в Древнем Риме. Многократные попытки прояснить природу появления смеха объясняются многоаспектностью понятий «смех» и «смеховое», которые находятся на стыке философии, культурологии и психологии. С начала XX века можно отметить тенденцию разграничения понятий «смех» и «комическое». Под смехом в большей степени подразумевается физиологическая реакция на происходящее, под комическим — категория эстетики, для которой характерно преобразование действительности, ее интерпретация. Разработке этого вопроса посвящены работы А. Бергсона, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, В.Я. Проппа, С.С. Аверинцева, Л.В. Карасева, М.Т. Рюминой.

Одним из важнейших результатов осмысления можно считать представленную Р.Н. Юреневым и дополненную В.Я. Проппом типологию смеха: «Смех может быть радостный и грустный, добрый и гневный, умный и глупый, гордый и задушевный, снисходительный и заискивающий, презрительный и испуганный, оскорбительный и ободряющий, наглый и робкий, дружественный и враждебный, иронический и просто-сердечный, саркастический и наивный, ласковый и грубый, многозначительный и беспричинный, торжествующий и оправдательный, бесстыдный и смущенный. Можно еще и увеличить этот перечень: веселый, печальный, нервный, истерический, издевательский, физиологический, животный. Может быть даже унылый смех!» (Юренев, 1962, с. 48). В работе «Проблемы комизма и смеха» В.Я. Пропп акцентирует внимание на особом виде смеха — насмешливом, который характеризует человеческие отношения и более других связан с категорией комического. М.Т. Рюмина, опираясь на наблюдения В.Я. Проппа, связывает происхождение насмешки с ритуальным смехом людей, присутствующих при чужой смерти, где он играет роль оберега: одновременно ограждает хозяина и «уничтожает» противника (Рюмина, 2010, с. 145). Именно такой тип насмешливого является объектом наблюдения. Внимание обращено на насмешку как на способ социальной дифференциации, атрибут неустойчивости мира.

Из истории осмысления категории комического мы можем выделить некоторые аспекты возникновения смеха:

- 1) обращенность к человеческой жизни — все смешное так или иначе либо связано с человеком, либо ассоциируется с ним (Бергсон, 1914, с. 99);
- 2) равнодушие к объекту насмешки — смех обращен к разуму, не терпит сострадания и нуждается в «анестезии сердца» (Бергсон, 1914, с. 98);
- 3) чувство безопасности и приобщение к кругу смеющихся — смех нуждается в отклике другого и развивается внутри той или иной группы людей (Бергсон, 1914, с. 99);

4) чувство превосходства над объектом насмешки — субъект неожиданно для себя обнаруживает уродство, что позволяет ему возвыситься в собственных глазах (Гоббс, 1991, с. 43–44);

5) удвоение видимости — субъект-наблюдатель становится свидетелем того, как участник комической ситуации, неверно оценивая положение дел, пребывая в иллюзии, действует в соответствии с ложными представлениями. Одновременно с этим сознание субъекта раздваивается, так как он «вчувствуется» в ситуацию, как бы тем самым воспроизводит в себе и объективную, и субъективную видимость (Рюмина, 2010, с. 114). Смешное в данном случае определяется как ситуация зла, происходящая с другим (Рюмина, 2010, с. 115).

Перечисленные выше условия можно назвать общими для возникновения любого вида смеха. Насмешка, подобно сатире, носит социально-регулирующий характер, дискредитирует объект, констатирует его внутреннюю несостоятельность. В ее основе лежит конфликт «должное (идеал) — отступление от должного». Однако, в отличие от сатиры, насмешка обладает частной направленностью: ее цель — не искоренить пороки общества, а обнаружить и «обнародовать» черты конкретного человека, пристыдить и изгнать его из круга смеющихся.

Первые оппозицию «стыд — смех» как альтернативный вариант традиционной оппозиции «смех — слезы» представил и обосновал Л.В. Карасев в работе «Философия смеха». Философ, иллюстрируя заявленную антитезу, акцентирует внимание на положении человека: «Смех выводит осмеиваемого на всеобщее обозрение. Отсюда закрепление главного смысла события в языке: “Поднять на смех” — значит буквально отделить, приподнять осмеиваемого над всеми, поставить его на вид, на позор. «Позор» же — не что иное, как обозначение для внешней оценки стыда» (Карасев, 1996, с. 72). Л.В. Карасев отмечает, что стыд, в отличие от смеха, для которого свойственно преодоление зла, близок оцепенению, утверждению зла в себе. Логичным исходом в этом случае становится самоубийство, как единственно возможное действие, обращенное на себя, а не на другого. Предложенная концепция развивает и углубляет представление о положении субъекта и объекта смеха. Субъект чувствует свое превосходство над объектом и способен обнаружить в последнем причину смешного. Объект смеха, в свою очередь, не принадлежит к кругу смеющихся, чувствует себя «ниже», слабее субъекта и беспомощнее него.

Данная антитеза «смех — стыд» во многом проясняет специфику смеха в контексте произведений рубежа XIX–XX веков.

Смех в XX веке определяет «корневую сущность бытия человека» (Рюмина, 2010, с. 238), приближая его мироощущение к представлениям, характерным для языческой картины мира. Изображение хохочущих людей, которые не в силах совладать с «бесом смеха» (Блок, 1971, с. 269), пополняются образами смеющейся действительности. Смех не только является фоном происходящего, но раздваивает мир, создает антиномии,

бесчисленные пары и тем самым «механизирует» и оглушает мир (Лихачев, Панченко, 1976, с. 48), становясь его онтологической характеристикой.

Однако в ситуации «неуместного» смеха мы не можем говорить о нем как первопричине зла. К.А. Степаненко отмечает, что смех не порождает зло, но лишь отражает его, потому невольно становится чем-то похожим на него (Степаненко, 2011, с. 11).

Вопросам выражения комического в творчестве Леонида Андреева посвящены работы М.А. Телятник, Л.А. Иезуитовой, И.И. Московкиной, А.М. Гомона, А.П. Руднева. Однако их труды в большей степени направлены на определение специфики жанра фельетона и сказки в творчестве писателя. Смех в них не рассматривается как важнейшая поведенческая реакция в культуре модерна, как установка авторского сознания.

Цель данной статьи – определение места насмешливого в творчестве Леонида Андреева, описание его природы, функции и места в развитии сюжета.

А. Бергсон, С.С. Аверинцев, Л.В. Карасев, А.А. Сычев отмечают коммуникативную функцию смеха: схожее понимание смешного способно объединить людей. По утверждению Анри Бергсона, смех словно нуждается в отклике (Бергсон, 1914, с. 98) и место его действия очерчено кругом какой угодно величины, но он всегда остается замкнутым (Бергсон, 1914, с. 98). Вместе с тем человек, на которого направлена насмешка, изгоняется из круга смеющихся. Изгнанный, он не только сталкивается с чувством одиночества, но и оказывается в ситуации непринятия, в оппозиции «я – другие».

Место насмешки в сюжете

О смехе как способе выражения «враждебности мира» в творчестве Леонида Андреева (Беззубов, 1983, с. 16) одним из первых пишет В.И. Беззубов. При выстраивании системы «я – другие», «человек – общество» даются ситуации, в которых носителем смеха являются люди. Смех в этом случае выполняет одновременно коммуникативную (служит созданию общности людей) и социально-дифференцирующую функции (разграничивает объект и субъект насмешки как непроницаемые социальные группы).

Насмешливый (по своей сути карающий) смех, с одной стороны, становится реакцией на происходящее, обнажая природу зла в человеке, ритуальную сторону его существования. С другой стороны, он наделяется конструирующей функцией: создается модель антимира, главной характеристикой которого становится тотальная неустойчивость ценностных ориентиров. Характерная для творчества Леонида Андреева близость смеха и смерти объясняется контекстом времени, в котором конструируется новая картина мира, мыслимая как «вселенское самоубийство» (Беззубов, 1983, с.14).

Так, например, ситуация осмеяния является сюжетообразующей в рассказах «Буяниха» (1901) и «Смех» (1901). Объектом насмешки в первом произведении выступает героиня, представленная читателю Буянихой. Она ведет «дурную и разгульную жизнь проститутки» (Андреев, 1901, с. 1), пьяная часто вызывает смех у жителей Пушкарной улицы. Неслучайно никто не называет девушку ее настоящим именем – Мария. Прозвище Буяниха выполняет не только номинативную, но и характерологическую функцию: героиня становится заложником собственной репутации. Ее попытка при знакомстве с соседским мальчиком Колей назвать свое настоящее имя и тем самым разрушить привычный образ не увенчалась успехом. Мальчик придумывает для нее другое имя – Маргарита, соответствующее его представлениям о мире, где он одинаково легко мог быть «Колей, королем Генрихом IV и разбойником Рокамболом» (Андреев, 1901, с. 11).

Мир, в котором существует Буяниха, полон отвергающего смеха: «Куда она ни поворачивала их (глаза), перед нею были раскрытые рты и оскаленные зубы, изрыгавшие густой хохот, и, не понимая, что этим смехом ее одобряют, она накидывалась на первого попавшегося, и вместе с ним, со столом и посудой, валилась на землю» (Андреев, 1901, с. 5). Важно заметить, что Буяниха воспринимает такой смех, как провоцирующий. В финале рассказа мы видим героиню, не способную защитить себя, насмешка других больше не вызывает в ней злость и желание противостоять окружающим, наоборот, она подыгрывает толпе, намеренно вызывает хохот: «...она закидывала голову назад; одной рукой она высоко поднимала платье, а другой хлопала себя по телу и кричала: «Вот я какая! Хороша Буяниха!» (Андреев, 1901, с. 32). Такой обнаруживает ее Коля, которому она представлялась как Мария и для которого мыслилась Маргаритой. Поведение героини во время сцены осмеяния – пример юродствующего сознания, однако его нельзя назвать юродством в чистом виде. Юродствующее сознание предполагает причастность к иному знанию, и это знание возвышает героя над остальными. Буяниха не является носителем особого видения мира, поэтому она не выдерживает смеха окружающих. Сцена осмеяния становится точкой невозврата: мы видим, как героиня обнаруживает несостоятельность выбранной ролевой модели, но продолжает ей следовать. Согласно концепции М.Т. Рюминой осознание разрушения удвоенной видимости субъектом комической ситуации приводит к смене модальности и трагической развязке.

Единственным возможным выходом для Буянихи становится самоубийство. Однако открытый финал не позволяет говорить об однозначной развязке: принимая во внимание артистическую натуру героини, можно предполагать, что она разыгрывает очередную сцену. Хозяин дома, где жила Буяниха, ставит ее решение под сомнение: «редко бывает, чтобы такие девки убивали себя» (Андреев, 1901, с. 36). Поднимая на смех Буяниху, жители Пушкарной улицы отделяют свой мир от мира героини. Смех здесь имеет двунаправленный характер: с одной стороны, с его помощью

демонстрируется полнота жизни, утверждается сила смеющихся, а с другой — он призван обнаружить и отогнать «чужое», неприемлемое поведение. По мнению М.Т. Рюминой, такой смех маркирует ситуацию «между-мирия» (Рюмина, 2010, с. 143) и играет роль оберега для людей.

Мир, в котором живет героиня, полон неприятия, злой насмешки, вытесняющей Буяниху из круга других людей. Смех выполняет дифференцирующую функцию (Дмитриев, 1996, с. 36): он разграничивает социальные группы, выстраивает непроницаемую границу между ними и диктует участникам характер поведения. Леонид Андреев показывает героя, не способного выйти за границы, отведенные ему смехом.

Герой рассказа «Смех» оказывается в ситуации, когда внешний образ вытесняет саму личность, а смех диктует модель поведения. В основе рассказа — описание маскарада, на который молодой человек приходит в маске китайца. Оригинальность маски заключается в изображении физиономии, которая «решительно ничего не выражала» (Андреев, 2021, с. 775). Причиной всеобщего смеха оказывается удвоение действительности: герой существует в субъективной реальности, которая противоречит объективному положению вещей (выражение чувств при внешнем равнодушии маски кажется алогичным и вызывает смех). Трагизм заключается в том, что герой, маску которого встретили смехом, принимает эту реакцию как осмеяние собственной личности. Внешнее (маскарад подразумевает ношение костюма) вступает в конфликт с внутренним состоянием героя: «Весь путь меня окружала и давила грохочущая туча хохота и двигалась вместе со мной, а я не мог вырваться из этого кольца безумного веселья. Минутами оно захватывало и меня: я кричал, пел, плясал, и весь мир кружился в моих глазах, как пьяный. И как он был далек от меня, этот мир! И как одинок я был под этой маской!» (Андреев, 2021, с. 776). Здесь, как и в «Буянихе», одобрительный смех диссонирует с внутренним состоянием героя и обостряет его. Мир, окружающий героя, наполняется смехом. Насмешка достигает таких масштабов, что становится больше субъекта смеха и мыслится отдельно от него. Не осознавая силу маски, герой говорит возлюбленной «о муках ожидания, о ядовитых слезах безумной ревности и тоски, о своей душе, где все было любовь» (Андреев, 2021, с. 776), но вместо ответа наталкивается на стену смеха: «Нет, нет, не могу... — почти стонала она и, закинув голову, снова разражалась звучным каскадом смеха» (Андреев, 2021, с. 777). Избавление от костюма становится избавлением от образа, вызывающего смех. И если герой рассказа может разорвать на себе костюм и таким образом уничтожить границы, выстроенные смехом, то для героини «Буянихи» они остаются непроницаемыми.

Страх быть осмеянным

Леонид Андреев показывает мир, где смех диктует героям определенную модель поведения, которая регулируется одобрительным смехом

или, наоборот, страхом осмеяния. И в том, и в другом случае смех делает человека заметным для окружающих, создает дистанцию между субъектом и объектом, где выстроенные иерархические отношения становятся причиной болезненного состояния последнего.

Герой рассказа «Оригинальный человек» (1904) – Семен Васильевич Котельников – становится заложником своей фразы: «А я люблю негритянок!», которую общество встречает одобрительным смехом. Не в силах признаться, Котельников даже перед смертью придает «своему костеневшему лицу подобие счастливой улыбки» (Андреев, 2021, с. 858) и повторяет: «Я, батюшка, очень люблю негритянок. В них есть нечто экзотическое» (Андреев, 2021, с. 858).

Одобрительный смех, не отторгающий человека, а включающий его в определенный круг, позволяет выстроить поверхностные, «внешние» отношения между людьми, создать иллюзию истинной близости, дать ощущение причастности к кругу других и подтвердить собственную состоятельность. Поведение Семена Васильевича Котельникова объяснимо: он боится разоблачения, вследствие которого о нем или забудут, или внешне одобрительный смех сменится на насмешливый, что означает изгнание из круга смеющихся.

Страх осмеяния во многом определяет поведение героев Леонида Андреева. Так, Николай Павлович из рассказа «Ипатов» (1911) боится стать объектом шуток и с ужасом думает о предстоящем рождественском ужине в доме, где судебные приставы описали имущество. Страх быть осмеянным трансформируется в страх жизни, и Ипатов предпочитает спрятаться от действительности под лестницей собственного дома.

Студент Сергей Петрович («Рассказ о Сергее Петровиче», 1900) отправляет прощальное письмо другу Новикову и, боясь прославиться «трусом и бахвалом» (Андреев, 2021, с. 718), не может отступить от задуманного самоубийства и принимает яд. Студент Сергей Болотин («Загадка», 1895), услышав насмешку возлюбленной, стреляется: «<...> вы сами, сами попробуйте убить себя. Пороху не хватит, милейший» (Андреев, 2021, с. 538). Мысль о возможной насмешке не только становится причиной болезненного состояния, но и приводит к трагическим последствиям.

Насмешка как способ объективации мира

Однако в художественном мире Леонида Андреева способностью смеяться обладают не только люди, но и окружающая действительность. Безусловно, герой в соответствии с представлением о перманентной враждебности мира вступает с ним в конфликт. Можно предположить, что одной из причин персонификации мира, а именно олицетворения неведомой силы, которая управляет судьбой человека, является страх перед ней. А.В. Татаринов пишет, что Леонид Андреев по-своему мифологизирует «мировую волю», и на «святом месте» появляются странные духи,

души, создающие своеобразный языческий контекст (Татаринов, 1996, с. 34). В этом случае смех становится маркером, который позволяет прояснить непонятное, сделать его более осязаемым, а значит, преодолимым. В рассказе «Большой шлем» (1899) насмешливую судьбу олицетворяют карты, которые «зло-насмешливо» смеются: «проклятые шестерки опять скалили свои широкие белые зубы. В этом чувствовалось что-то роковое и злобное» (Андреев, 2021, с. 641). Но главной и роковой насмешкой справедливо считается финал произведения: Николай Дмитриевич умирает от паралича сердца, так и не узнав «что в прикупе был туз и что на руках у него был верный большой шлем» (Андреев, 2021, с. 643).

Главный признак андреевского антимира – насмешка. В рассказе «Предстояла кража» (1902) герой, спасая замерзающего щенка, отказывается от воровского дела. Город встречает героя «диким хохотом»: «Глухо и темно гоготали застывшие сады и огороды, сметливо и коварно хихикали освещенные окна и всем холодом своих промерзших бревен, всем таинственным грозным нутром своим сурово смеялись молчаливые и темные дома» (Андреев, 2021, с. 858).

В этих рассказах смех связан с субъективным внутренним состоянием героев; смех не присущ ни картам, ни домам, ни заборам. Эти свойства приписываются им непосредственно героями.

В книге «Проблема комизма и смеха» В.Я. Пропп пишет: «Тут окажется, что смеяться можно над человеком почти во всех его проявлениях. Исключение составляет область страданий, что замечено было еще Аристотелем» (Пропп, 1976, с. 16). Рассказ «Стена» (1901) выходит за рамки этой точки зрения и оспаривает ее.

Леонид Андреев изображает мир, полный испытаний и боли, который осмеивается. Смех, как и страдание, становится перманентной эмоцией, взаимопорождающими свойствами мира. Осмеянию подвергается голодный, чья «нижняя челюсть отвисла, и из темного отверстия рта шел сухой шершавый голос» и который «то на четвереньках, то ползком пробирался к стене, где качался повешенный, и щелкал зубами и смеялся, радостно, как ребенок» (Андреев, 2021, с. 780); смех вызывает прокаженный, бьющийся лбом о стену; смеются танцующие, чьи «радостно оскаленные зубы начинали щелкать, поцелуи становились укусом» (Андреев, 2021, с. 780); смеется сама стена, которую называют убийцей. Андреев изображает улыбку невесты, но она улыбается провалившимся ртом в ситуации, когда «глупо жениться». Вслед за Л.В. Карасевым мы можем говорить о картине мира, захваченном стихией архаического смеха, где «низ», «земля», «могила» провоцируют смех куда чаще, чем «рождение» и «небо» (Карасев, 1996, с. 34). Такой смех не обладает витальной энергией, скорее, сама его неуместность отрицает жизнь. Смех, вырывающийся изо рта (образ которого в мифологическом сознании часто соотносят с Эросом, живородящим началом), переосмысливается

и становится воплощением телесной, темной стороны человека, губящей и ведущей к смерти.

В повести «Красный смех» ключевой образ как воплощение безумного насмешливого мира возникает из конкретной ситуации. Герой-рассказчик говорит с вольноопределяющимся, которому в это мгновение осколком оторвало часть лица: «перед моими глазами на месте бледного лица было что-то короткое, тупое, красное, и оттуда лила кровь, словно из откупоренной бутылки <...>. И в этом коротком, красном, текущем продолжалась еще какая-то улыбка, беззубый смех – красный смех» (Андреев, 2021, с. 339). Смех отделяется от своего носителя, объективируется и становится самостоятельным образом – символом антимира.

О способности смеха конструировать ложную картину мира, претендующую на истинность, пишет М.Т. Рюмина, размышляя о роли смеха в XX веке. По мнению исследователя, смех – «неизменный спутник всесмещения» (Рюмина, 2010, с. 239), характеристикой которого выступает маргинальное мышление, «балансирующее на грани смысла и абсурда» (Рюмина, 2010, с. 239). Исследование различных форм пограничного состояния (Боева, 2019, с. 10) является писательской стратегией Леонида Андреева, это не только относится к геокультурному аспекту, но и касается пограничного, неустойчивого состояния мира и человека.

В более позднем творчестве («Чемоданов», 1916) объективированный смех трансформируется и проникает в логику повествования, приобретает метафизический характер, а ироническое состояние мира не поддается упорядочиванию.

Заключение

Итак, спектр изображения насмешки в творчестве Леонида Андреева включает в себя как человеческую реакцию на происходящее, так и характеристику бытия в целом, в том числе и за пределами земного существования.

В первом случае ситуацию насмешки можно назвать сюжетообразующей. В ее основе лежит социально-дифференцирующая функция смеха, позволяющая обозначить границы группы и вытеснить за их пределы «чужого» (рассказ «Буяниха»). Смех в данном случае играет роль оберега: он призван защитить группу смеющихся от мира героини. В рассказе «Смех» мы находим рецепцию одобрительного смеха как отвергающего. Не совпадая с эмоциональным состоянием героя, всеобщее веселье трактуется им как насмешка над чувствами и отвержение.

Смех наделяется разрушительной силой и начинает регулировать отношения человека с самим собой, другими, с миром. Однако насмешка как неприятие группой людей другого человека («Буяниха», «Смех», «Загадка», «Ипатов») претерпевает изменение: она выходит за границы

межличностных отношений, трансформирует мироощущение героя, приближая его к языческому, в котором пространство наделяется способностью смеяться («Стена», «Красный смех», «Предстояла кража»), и наконец, становится онтологической характеристикой мира, причиной его неустойчивости.

Кроме того, смех у Андреева часто сопровождает танатологическую ситуацию: либо придает ей ироническую тональность («Чемоданов»), либо провоцирует гибель героя («Загадка», «Буяниха»). Болезнь героя, либо вызванная страхом насмешки, либо непосредственно осмеянием, часто приводит к самоубийству или неожиданной гибели. Смех как ключевая характеристика антимира, свидетельство его тотальной неустойчивости становится знаком пограничной ситуации между жизнью и смертью. Жизнь мыслится как пролонгированное умирание, перманентное стремление к смерти. При этом смерть не осознается как индивидуальное завершение жизни, а представляется как картина мира, разрушающегося в своих основах («Красный смех», «Стена», «Предстояла кража»).

Список литературы

- Андреев Л.Н.* Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М.: Альфа-книга, 2021. С. 533–1220.
- Андреев Л.Н.* Буяниха. Библиотека художественной и специализированной литературы: библиотека онлайн: homlib.com. URL: <https://bookchain.ai/read/andreev-ln-1/buaniha-1/40809> (дата обращения: 06.08.2024).
- Беззубов В.И.* Смех Леонида Андреева // Творчество Леонида Андреева: Исследования и материалы. Курск: КГПИ, 1983. С. 13–25.
- Бергсон А.* Собрание сочинений: в 5 томах. Т. 5. СПб.: Издание М.И. Семенова, 1914. С. 99–169.
- Блок А.* Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 5. М.: Правда, 1971, 269 с.
- Боева Г.Н.* Геокультурный аспект творчества Леонида Андреева // Гуманитарная парадигма. 2019. № 3(10). С. 6–15.
- Дмитриев А.В.* Социология юмора. М.: РАН, 1996. 36 с.
- Карасев Л.В.* Философия смеха. М.: РГГУ, 1996. С. 40–72.
- Лихачев Д.С., Панченко А.М.* «Смеховой мир» Древней Руси. Ленинград: Наука, 1976. 48 с.
- Пропи В.Я.* Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 16 с.
- Рюмина М.Т.* Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 320 с.
- Степаненко К.А.* Проблемы смеха и смерти в лирике Велимира Хлебникова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград: 2011. С. 3–22.
- Татаринов А.В.* Формирование мифологического реализма в творчестве Леонида Андреева, 1898–1911 годы: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 01.01.01 – русская литература. Уфа, 1996. 233 с.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
- Юрнев Р.Н.* Советская кинокомедия. М.: Наука, 1964. 48 с.

References

- Andreev, L.N. (2021). *The complete collection of novels, novellas and short stories in one volume*. Moscow: Al'fa-kniga Publ. (in Russ.)
- Andreev, L.N. (2024). *Buyaniha*. (In Russ.) Retrieved from <https://bookchain.ai/read/andreev-ln-1/buyaniha-1/40809>
- Bergson H. (1914). *Collected works: Vol 5*. Saint-Peterburg: Izdanie M. I. Semenova Publ. (in Russ.)
- Bezzubov, V.I. (1983). Leonid Andreev's laughter. *Creativity of Leonid Andreev. Research and materials*. Kursk: Kursky State Pedagogical Institute Publ. (in Russ.)
- Blok, A. (1971). *Collected works, vol. 6. Vol. 5*. Moscow: Pravda Publ. (in Russ.)
- Boeva, G.N. (2019). The geocultural aspect of Leonid Andreev's work. *Gumanitarnaya paradigma*. (3), 6–15. (in Russ.)
- Dmitriev, A.V. (1996). *The sociology of humor*. Moscow: Russian Academy of Sciences Publ. (in Russ.)
- Heidegger, M. (2003). *Being and time*. Khar'kov: Folio Publ. (in Russ.)
- Karasev, L.V. (1996). *Philosophy of laughter*. Moscow: Russian State Humanitarian University Publ. (in Russ.)
- Lihachev, D.S., & Panchenko, A.M. (1976). *The "Laughing World" of Ancient Russia*. Leningrad: Nauka Publ. (in Russ.)
- Propp, V.Ya. (1976). *Problems of comic and laughter*. Moscow: Iskusstvo Publ. (in Russ.)
- Ryumina, M.T. (2010). *The aesthetics of laughter. Laughter is like virtual reality*. Moscow: LIBROKOM Publ. (in Russ.)
- Stepanenko, K.A. (2011). *The problems of laughter and death in the lyrics of Velimir Khlebnikov*. [PhD Thesis]. Volgograd. (in Russ.)
- Tatarinov, A.V. (1996). *The formation of mythological realism in oeuvre of Leonid Andreev, 1898–1911 years*. [PhD Thesis]. Ufa. (in Russ.)
- Yurenev, R.N. (1964). *Soviet comedy*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.)

Сведения об авторе:

Мытарева Алиса Владимировна, аспирант, старший преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 603115, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12. ORCID: 0000-0001-5323-7405. E-mail: amytareva@hse.ru

Bio note:

Alisa V. Mytareva, PhD Student, Senior Lecturer at the Department of Literature and Intercultural Communication, HSE University, 25/12 Bolshaya Pecherskaya St, Nizhny Novgorod, 603115, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5323-7405. E-mail: amytareva@hse.ru